
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Б. М. КОНДОРСКИЙ

РЕЦИДИВЫ АРХАИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Постсоветские республики, Китай и другие основные страны третьей генерации характеризуются ярко выраженной цивилизационной спецификой и имеют, согласно теории революционного периода, общий архетип исторического развития. Незавершенность феодальной революции и заметная преемственность с предыдущим периодом в настоящее время обусловили проявление здесь многочисленных рецидивов архаических социальных институтов, сопровождаемых активизацией традиционалистского сознания (что было особенно характерно для 1990-х гг.). В государствах Центральной Азии определяющую роль продолжает играть традиционная клановая система. Вместо современной политической и экономической системы мы наблюдаем в странах этого региона действие субъектов политики и экономики по иным, зачастую иллюзорным, правилам, не позволяющим этим государствам добиться какого-либо заметного положительного результата в соответствующих сферах. Особый случай представляет собой Украина, где рецидивы архаики причудливо сочетаются с декларативной устремленностью к либерально-демократическим ценностям и практикам.

Ключевые слова: *постсоветские государства, рецидивы архаических институтов, концепция революционного периода, политический режим, традиционалистское сознание, нация.*

Введение

Если внимательно проанализировать внешнеполитическую риторику современного Китая, то бросается в глаза наличие в речах

и высказываниях высшего руководства страны многочисленных рецидивов прошлого (вплоть до середины 1-го тыс. до н. э.). Си Цзиньпином была предпринята попытка синтезировать китайский марксизм и традиционное культурное наследие, исконно тяготеющее к гармонии. По мнению председателя КНР, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская культура поклоняется гармонии (цит. по: Титаренко, Ломанов 2015: 24–25).

Вице-президент Китайского общества по изучению прав человека Вань Эсянь считает, что современное понимание роли человека и его прав в Китае самым тесным образом связано со взглядами древних китайских мыслителей, и прежде всего Конфуция, когда государство рассматривалось как большая семья (цит. по: Буров 2011).

Руководство страны стремится придать внешней политике КНР «китайский облик», найти «специфические китайские пути защиты национальных интересов». Просматривается желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Симптоматичен призыв Си Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду в международных отношениях». Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» (и) над «пользой-выгодой» (ли) (Ломанов 2017: 14).

Как мы видим, используются термины, понятия, выражения, весьма далекие от классической политологии. Но если в Китае данные рецидивы носят больше внешний характер, то в постсоветских государствах закономерности архаических социальных институтов в 1990-е гг. оказывали на процессы в экономической, политической и культурной сферах более чем значительное влияние.

Возможности теории революционного периода

Для лучшего понимания данной проблемы полезно будет использовать теорию революционного периода (Кондорский 2016; 2017а). Основная суть данной концепции заключается в том, что все революции в отдельно взятом государстве составляют революционный период (РП) как систему, имеющую свои внутренние законы. Конкретные революции являются лишь проявлением этих процессов.

Все основные государства в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания можно разделить на три основные группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ) и стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести государства, где РП начался ранее всего: Нидерланды, Англию, США, Францию. К СВГ относятся большинство европейских стран и Япония, в них РП начался в середине XIX в. и закончился после Второй мировой войны. Россия, Китай, Турция, Иран, балканские и латиноамериканские государства относятся к СТГ. В этих странах РП ограничился рамками XX века.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой. Следует обратить внимание на принципиальные институциональные особенности СТГ, заметно отличающие их от СВГ и СПГ.

Специфика политических режимов на постсоветском пространстве

Понятие «политический режим» традиционно используется для обозначения совокупности приемов и методов осуществления власти (Мацневский 2008: 18). В рамках институционального подхода режимом считается совокупность формальных и неформальных правил, которые определяют характер принимаемых решений. То есть речь в данном случае идет (в идеале) о строгом соблюдении конституции и соответствующих законов политическими режимами. Следует обратить внимание, что юридические законы здесь в той или иной степени должны соответствовать объективным законам политической системы, характерной для данной группы государств. Подобного рода подход характерен для Запада, то есть СПГ и СВГ.

В СТГ (включая постсоветские государства) РП закончился в 1990-е гг., и сейчас они находятся в переходном состоянии. Показательно, в отличие от западных стран, разнообразие сформировавшихся в СТГ политических режимов, что можно связать с характером цивилизационной специфики. К тому же здесь характер режима определяется скорее персонами, нежели практиками, используемыми ими для осуществления власти. Смена лидера или правящей группы должна обозначать смену режима (Там же: 19).

Для понимания сути постсоветских режимов перспективной может быть концепция неопатримониального типа власти, в отличие от рационально-бюрократического в западных странах. Макс Вебер рассматривал патримониализм как присвоение сферы управления носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной сфер в период древности (Weber 1978: 236–237). Патримониальным институтам недостает бюрократического разделения сферы «официального» и сферы «частного» (*Ibid.*: 1028–1029).

По мнению Ш. Эйзенштадта, для развивающихся обществ Азии, Африки и Латинской Америки характерны неопатримониальные структуры современного типа, характеризующиеся симбиозом, синтезом элементов традиционализма и современного государства. Этот синтез обладает существенной устойчивостью и собственной логикой развития. Возникновение неопатримониальных режимов объясняется провалами политики модернизации на основе западных образцов (Eisenstadt 1973: 5). Подобного рода подход может быть применен и для понимания сути постсоветских политических режимов.

Рецидивы социальных институтов архаического периода

В основе функционирования подобного рода режимов лежат рецидивы таких социальных институтов архаического периода, как реципрокация, редистрибуция, потлач, практика сакрализации и т. д. (Васильев 1983: 17). Суть реципрокации можно определить известной фразой советских времен: «Ты – мне, я – тебе». В СССР данные отношения имели место в основном на бытовом уровне, хотя в конце 1970-х и начале 1980-х гг. затронули и средний управленческий уровень. В постсоветский период подобного рода принцип стал базовым при формировании олигархических кланов в их отношениях с государственной властью.

В понимании членов архаического общества именно от правителя, его сакрального потенциала зависели порядок, богатые урожаи, успехи в войнах, хотя реально он не принимал непосредственного участия в материальном производстве. Этим занимались старейшины на региональном уровне (Бондаренко 1993: 156). Подобного рода закономерность была характерна для всех архаических сообществ, начиная с Полинезии и заканчивая Америкой.

На Украине это нашло свое выражение в «синдроме барина» (по аналогии с сюжетом известной поэмы Н. А. Некрасова). Так, в свое время значительная часть населения безоговорочно поверила в исключительную миссию В. А. Ющенко, которая будет реализована в случае избрания его президентом. Люди искренне полагали, что за 2–3 года новый президент сможет приблизить жизненный уровень населения Украины к таковому в наиболее развитых странах Восточной Европы (Кондорский 2018а: 88–89).

Современная Украина сейчас очень напоминает город Глухов из бессмертного романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Его жители с приходом каждого нового градоначальника связывали самые радужные ожидания и, несмотря на многочисленные удары судьбы, каждый раз снова надеялись на лучшее. Подобного рода надежды связывали в 2014 г. с избранием П. А. Порошенко, а в 2019 г. – В. А. Зеленского. Летом 2018 г. этот синдром проявил себя и в Армении (Там же: 89). Сегодня мы имеем возможность с уверенностью констатировать, что уже покинувшие пост президента Ющенко и Порошенко практически не принимали участия в решении экономических проблем – так же как и сакральные правители древности.

Институт потлача существовал в рамках так называемой престижной экономики, которая не имела ничего общего с современной экономикой и ее законами. В этот период доказывать свое право управлять можно было только в терминах престижа и авторитета (Васильев 1983: 22). С этим социальным явлением теснейшим образом связана редистрибуция – практика распределения избыточного продукта, произведенного коллективом в рамках определенной социально-политической системы.

После развала Советского Союза начался процесс узурпации новоявленной элитой основной части национального богатства. Такого рода масштаб присвоения, если взять историю, был возможен только в случае завоевания. Даже римляне в подобной ситуации реквизируют только третью часть земельного фонда завоеванной общины, и то в основном целинного характера.

В 1990-е гг. власть держалась лишь за счет перераспределения в пользу олигархов не только прибавочного, но и основного продукта, что поставило значительную часть населения на грань фи-

зиологического выживания. В эти годы редистрибуция и реципрокация (достаточно вспомнить доминирование бартера) по существу были основой тогдашней экономики постсоветских стран.

На Украине политическое руководство широко использовало редистрибуцию и в дальнейшем. Однако в последние годы ресурс, доставшийся в наследство от Советского Союза, оказался в основном исчерпанным, что вынуждает использовать для этих целей западные кредиты. Следует обратить внимание, что в древности редистрибуция касалась всех членов первобытного коллектива. В наше время получателем распределяемых благ является олигархическая элита. Основная часть населения – субъект только информационной редистрибуции, формирующей нужной отчужденной элите тип сознания. В период древности вещи потлача воспринимались как одушевленные. Им приписывались магические свойства (Мосс 1996: 172). Соответственно, они использовались для манипуляции человеческим сознанием.

Постсоветские элиты

В 1990-е гг. в постсоветских государствах элита в той или иной степени носила выраженный клановый характер, что сопровождалось ее расколом (Мациевский 2010: 25; Прокофьев 2011: 30). В нормальных государствах различные фракции элиты должны дополнять друг друга и, главное, ставить национальные интересы государства на первое место. На Украине финансово-промышленные группы имели региональную прописку (Прокофьев 2011: 69) и в борьбе между собой (всеми доступными средствами) меньше всего думали о народе. Можно говорить о захвате государства в целом этими группировками (Hellman 1998).

В Киргизии клановая модель построения власти сформировалась еще во времена Советского Союза (Труевцев 2005: 13). Клань здесь имели глубокие патриархально-исторические корни (Прокофьев 2011: 68–70). Следует отметить, что в рамках клана (как и любой другой корпорации) внутренние интересы всегда преобладают над внешними.

Аналогичная ситуация сейчас наблюдается в Казахстане. Здесь органы государственной власти в свое время стали заполняться выходцами из сельской местности и оттеснять казахскую городскую

интеллигенцию, не так хорошо владеющую государственным языком, не говоря уже о русском. Кстати, точно такая же тенденция формируется на Украине (и не только). Эти новые управленческие элиты мыслят категориями патриархального клана. Для клана важно не личное «я», а опора на родственников и земляков. При этом подобного рода механизм задействован не только в органах административной власти, но и в госкорпорациях (Борисова 2002: 31–32). И в Киргизии, и в Казахстане мы имеем рекрутирование элит на основе традиционалистских институтов (Труевцев 2005: 14).

В 1990-е гг. можно было говорить об отсутствии на всем постсоветском пространстве (включая Россию) субъектности управляющих элит. В период ранней древности, как уже говорилось выше, источником субъектности были боги. В рассматриваемый период эту роль играл Запад, в первую очередь в лице США. Наличие иллюзорного пространства в этот период предполагало наличие элиты, имеющей иллюзорное сознание и уповающей на помощь Запада. Так же как и в период древности, когда все сводилось к благосклонности богов.

В свое время Л. С. Васильевым была выдвинута концепция власти-собственности в период древности как синкретического единства обоих институтов (Васильев 1982). В Древней Греции при переходе от так называемого гомеровского периода к архаике власть-собственность была узурпирована аристократическими кланами, обычным состоянием для которых стал стасис (греч. *στάσις*) – междоусобная борьба за политическую власть (Лаптева 2009: 306–309).

И только появление авторитарной власти в лице тиранов позволило установить порядок. Тираны боролись с всевластием аристократических родов, поддерживаемые большей частью населения (Зберовский 2008: 36). Правление тиранов способствовало заметному увеличению благосостояния граждан полиса (Макаров 1997: 26).

Именно при тиранах началось формирование инфраструктуры античных городов, представлявших историческое лицо Эллады (Кембриджская... 2007: 416–417). Полисы позднеархаической эпохи под властью тиранов достигли могущества и процветания. Только после этого в них сложилась демократия. А большинство тех полисов, которые не знали этого опыта, застыли в стагнации (Суриков 2007: 80).

Осмысление этого исторического опыта может послужить пониманию эволюции политических режимов в постсоветский период. В России конец всевластию олигархических кланов, присвоивших «советскую власть-собственность», положило президентство В. В. Путина, который сформировал режим авторитарной власти неформального характера, жизненно необходимый для государства в переходный период. Подобное явление характерно и для ряда других СТГ – Китая, Турции, Ирана. Кстати, реальная власть тиранов также не имела никаких «конституционных» оснований и зиждилась на сформированной ими же личной харизме (Берве 1997: 17).

На Украине так и не сложился авторитарный тип власти. Все президенты в той или иной степени зависели от олигархических кланов. Следует обратить внимание на искусственно созданный характер харизмы В. А. Ющенко и П. А. Порошенко в предвыборный период, которая быстро «сдувалась» в последующий период их президентства. Вследствие этого Украина уже четверть века находится в состоянии перманентного кризиса.

Харизматический характер носит власть А. Г. Лукашенко в Белоруссии и Н. А. Назарбаева в Казахстане. Но выраженная харизма – это палка о двух концах. Если Путин сумел сформировать определенный политический базис, обеспечивающий приемлемую стабильность последующего развития страны, то уход Лукашенко и особенно Назарбаева с политической арены может вызвать серьезный кризис в этих странах.

Концепция двойственности социального сознания

Здесь уместно остановиться на концепции двойственности социального сознания. В сознании человека можно выделить две основных составляющих – этническую и личностную (Кондорский 2015: 433). Этническое сознание формируется в детстве (как правило, еще до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит характер данности. Его нельзя изменить волевым способом, можно только говорить о степени его активизации. Характерной особенностью этнического сознания является то, что социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы – они» (Ачкасов 1999: 49).

Этническое сознание можно отнести к архетипическим образованиям, связанным с феноменами, которые архаичны по своей природе и имеют иррациональную основу (Михайлова 2002: 16). Этническое сознание приводит к деиндивидуализации в форме национализма, где коллективная граница «свои – чужие» является определяющей (системообразующей). Этот тип общности основан на эмоциях, чувствах и обладает мощной энергетикой (Прокофьев 2011: 29).

На Украине мы сейчас наблюдаем резкую активизацию этнического сознания. Традиционное этническое сознание обычно сохраняется и воспроизводится в сельской местности. Здесь надо иметь в виду, что в 1960–1980-е гг. в УССР наблюдался массовый приток населения в Киев и другие крупные города (за исключением Донбасса) из сельской местности (Кондорский 2014: 130). Это относится к более чем 80 % политической и культурной элиты страны, включая четырех ее президентов.

При этом сколько бы университетов ни оканчивали политические деятели этой категории, осознают они себя по-прежнему «хлопцями з глухого сзла». Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным иного применения, пытался сделать из Украины «большой хутор». Известно, что в архаических политических образованиях Тропической Африки нормы и системы деревенского управления служили моделью для царства в целом и его центральных органов (Кочакова 1993: 27).

Этнос и нация

Следует четко различать такие понятия, как «этнос» и «нация». Нация – форма общества, явление политэкономическое, тесно связанное с определенным национальным государством и его интересами. В рамках нации первичным является ментальный фактор – национальное сознание, которое формируется на основе объективных законов и в СТГ имеет цивилизационную специфику. Нацию нельзя рассматривать как просто совокупность индивидуумов в рамках определенного государства. Это самостоятельный феномен, существующий и развивающийся по своим внутренним законам.

Этносы появляются и развиваются независимо от политических образований. Этнос – это феномен традиционного характера. Пер-

вобытные этносы существуют сотни, тысячи лет без изменений. Переселившись на другую территорию, они долгое время остаются теми же этносами, сохранившими все свои признаки. Украинцы в Канаде, являясь частью местной нации на уровне личностного сознания, в большинстве своем остаются украинцами в рамках этнического сознания.

Если принадлежность к нации базируется на интересе, то принадлежность к этносу связана с характером (стереотипом) поведения, образом жизни, культурой языка, сформировавшегося в детстве. Например, украинский язык жителей горных сел в Карпатах кардинально отличается от украинского языка жителей Киева. Понятия «диалект» и «литературный язык» здесь не совсем подходят. В первом случае мы имеем язык на основе этнического сознания людей, интересы которых обычно не выходят за пределы своего поселения (общины). Если мы можем говорить о той или иной степени принадлежности к нации, то в случае с этносом человек не имеет выбора. Например, этнический состав Донбасса весьма разнороден, но большинство населения в плане своей личностной ментальности в большей степени ориентируется на российскую, а не украинскую нацию.

Характер восприятия времени у нации и этноса также носит различный характер. Для нации историческое время – это последовательная цепь логически связанных событий, когда предыдущее событие определяет последующее. У этноса нет исторического времени в классическом понимании, он живет настоящим и находится вне исторического пространства. Прошлое мифологизируется.

Принципиально отличаются национальный и этнический подходы к своему историческому прошлому. В первом случае речь идет о тех, кто внес решающий вклад в формирование и защиту национального государства, в развитие национальной культуры и науки. На Украине вследствие комплекса неполноценности активно идет «украинизация» всемирной истории и ее субъектов – Александра Македонского, Юлия Цезаря, Христофора Колумба и даже Христа вместе с Буддой (Радзиевский 2016).

По существу, сейчас мы наблюдаем очередную Руину вследствие резкой активизации этнического сознания. Во время первой

Руины (1657–1687) после смерти Богдана Хмельницкого произошел раскол старшины. В этот период внешняя политика казацкой республики представляла собой «блуждание между трех сосен» – Польшей, Россией и Турцией. В результате междоусобиц все Правобережье Украины практически полностью обезлюдело.

Вторая Руина наступила после Февральской революции, воплотившись в Центральной Раде, а затем Директории. В период обеих Руин сложилась слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходящая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. Казацкая «демократия» сплошь и рядом оборачивалась охлократией и анархией.

Специфика политической и экономической систем в постсоветских государствах

В 1990-е гг. в постсоветских государствах так и не сформировались полноценные капиталистические политическая и экономическая системы. Соответственно, не действовали объективные закономерности развития этих систем. Здесь заметно влияние их цивилизационного наследия. Попытки скопировать основы политики и экономики у западных стран придают этим системам элементы химеры (особенно на Украине, в Молдове, Закавказье, Центральной Азии) со всеми вытекающими последствиями.

Слабое действие собственно экономических законов способствует проявлению традиционалистских хозяйственных отношений. Для лучшего понимания здесь уместно обратиться к специфике отношений в сельскохозяйственной сфере царской России. Эксплуатация батрака кулаком, социальное сознание которого принципиально не отличалось от обычного крестьянина-общинника, носила не столько экономический, сколько социальный характер. При собственно капитализме сельскохозяйственный рабочий заключает договор с нанимателем на основе законов капиталистического производства, облеченных в соответствующую юридическую форму. Батрак заключал «договор» на основе социальных традиционных правил. И часто в случае возникновения каких-либо недоразумений судьей выступала сама община (Кондорский 2017а: 83).

То же самое можно наблюдать и в отношении политических законов, когда начинает доминировать интегративное единство соци-

ального и политического, как в античный период (Утченко 1977: 65). Как следствие – сильнейшая коррумпированность «бюрократии», а по существу – ее отсутствие (при понимании бюрократии в классическом, веберовском значении). Определяющую роль в решении важных проблем начинают играть связи «патрон – клиент». Значительная часть имперского управленческого аппарата в Риме не являлась профессиональными бюрократами. Должностное лицо окружала когорта друзей. У императора были личные друзья, входившие в императорский совет (Махлаюк 2010: 191).

Для античного общества было характерно избыточное свободное время, связанное с наличием рабского труда. В то же время для социумов ранней древности (Египта, Месопотамии) было характерно наличие избыточного продукта. Для поддержания социального круговорота необходима была «утилизация» этого продукта в виде строительства тех же пирамид, храмов и других культовых сооружений. «Лицом» античных городов была инфраструктура, обеспечивающая «утилизацию» избыточного времени: храмы, агора, театры, гимнасий, даже общественные бани.

Важнейшую роль играл *агон* с его фактической бесцельностью и бессмысленностью. Идея игрища-состязания была важнейшим элементом общественной жизни того времени. Даже судопроизводство имело форму агона (Хейзинга 1997: 80–83).

При классическом капитализме отдых, свободное время органически связаны с процессом производства. При советской власти произошло разделение этих двух категорий. Влияние оказала также цивилизационная специфика России. Появилась проблема «утилизации» избыточного времени, которую решали или тоталитарными методами, или в форме стахановского движения. В брежневский период на это перестали обращать должное внимание, что сыграло не последнюю роль в развале Советского Союза.

На Украине сегодня эту проблему пытаются решить весьма своеобразными методами, чувствуя, но не понимая ее сути. Отсутствие эффективного контроля со стороны властей способствует массовой трудовой миграции. Дело Гонгадзе, Майданы и все, что прямо или косвенно с ними связано, следует рассматривать как своеобразную реакцию социума на нарушения социального круговорота. В конечном итоге все это привело к гражданской войне.

«Игровой» характер социально-политического пространства

В древности этническое и личностное сознания находились в органическом единстве и составляли основу мифологического сознания. В наше время активизация этнического сознания привела к появлению аналога мифологического сознания – иллюзорного. Слово «иллюзия» происходит от латинского *illudere* – играть, обманывать. Подобного рода ситуация особенно характерна для Украины (Кондорский 2018б: 278). По существу уже четверть века здесь мы имеем «игру» в рамках и политической, и экономической системы. И экономика, и политика функционируют не по объективным законам соответствующих систем, а по законам игры. «Дети играют, потому что у них есть свободное время» (Хейзинга 1997: 27). Эта фраза дает очень многое для понимания ситуации на Украине и роли здесь законов игры. Выше уже обращалось внимание на отсутствие здесь эффективной системы «утилизации» свободного времени. К этому надо добавить заметные элементы «детскости» в поведении украинской элиты, связанные с явным доминированием в настоящее время этнического сознания.

Основной особенностью игры как социального явления является ее замкнутый характер – игра ради игры без какого-либо материального результата. Целеполагание игрового действия заключается в самом процессе (Зберовский 2008: 143). Имеет место демократия ради демократии, свобода ради свободы, рынок ради рынка. За весь период независимости на Украине не было построено ни одного сколько-нибудь крупного современного предприятия, выпускающего конкурентоспособную продукцию. Выборы проводились по законам игры и не имели ничего общего с реальной демократией.

Все «цветные революции» были связаны с президентскими или парламентскими выборами и также имели архетип игры. На Украине оба Майдана по существу представляли собой большую театральную постановку. Кстати, КПК в 1989 г. отказался поддерживать виртуальную логику спектакля (Якунин и др. 2013: 19–20). Значительная часть населения (особенно молодежь) с энтузиазмом включалась в подобного рода процессы. Внедрение технологий «цветных революций» (по законам игры) в процесс выборов (также организуемых по законам игры) создавало единое пространство, единую систему, где участники «революции», перехватывая инициативу, на-

чинали полностью доминировать и определять ход последующих событий.

Игра требует определенного пространства. На Украине эту роль в обеих «революциях» играл майдан Незалежности, самое «центральное» место страны. В древности центр – нечто в высшей степени сакральное. Приобщение к центру приравнивается к посвящению, инициации (Элиаде 1998: 32). То есть Майдан превращался в источник «сакральности», распространяемой затем на уровне массового сознания по всей стране.

Участников Майдана постоянно держали в состоянии карнавала, народного гуляния (Ананченко 2016: 33). В рамках древнего карнавала происходит уничтожение истекшего времени, восстановление первичного хаоса и повторение космогонического акта творения (Элиаде 1998: 92). Майдан как бы решительно рвет всякие связи со старым коррумпированным режимом и начинает творить «царство свободы и демократии».

Во время «цветных революций» основным инструментом влияния на власть выступает молодежное протестное движение (Манойло 2014: 179) в форме сетевых молодежных организаций. На Украине, в Грузии и Киргизии молодежные группы, сформированные незадолго до выборов, сыграли решающую роль в мобилизации масс (Прокофьев 2011: 107).

Здесь уместно вспомнить такой базовый древний институт, как мужской союз. Мужские союзы, куда обычно входила молодежь, территориально всегда находились вне традиционной общины. Подобного рода объединения обычно занимались грабительскими набегами на соседние общины (Андреев 2004). Рецидивы мужского союза постоянно проявляли себя в историческом процессе. Причина времен Ивана Грозного имела типичный архетип мужского союза вплоть до мелочей. Сюда можно добавить духовно-рыцарские ордены и организацию масонов. Современные мусульманские радикальные движения – из того же ряда.

Исторические предпосылки рецидивов архаических институтов

Что касается глубинных, исторических причин вышеуказанных явлений в России, Белоруссии и особенно на Украине, то здесь

опять нужно вернуться к теории революционного периода. Автором на примере Китая было показано, что сроки наступления РП и специфика его протекания в основном определяются характером и «глубиной» феодальных революций (Кондорский 2016: 158–159). Наиболее классическая феодальная революция в этом отношении наблюдалась в Западной Европе.

В России феодальная революция имела место уже после татаро-монгольского нашествия, почти на 400 лет позже, чем в Западной Европе. В Древней Руси феодализма как системы не было. Был процесс феодализации, когда появлялись только отдельные элементы, которые носили внешний характер. К тому же предметом дискуссии остается сам характер государственности Киевской Руси (Дворниченко 2018: 194). Не надо быть специалистом, чтобы увидеть кардинальные отличия в этом плане Руси и Византии. Аналогичный процесс в Западной Европе происходил при Меровингах и ранних Каролингах.

Следует обратить внимание на то, что Московское государство формировалось совершенно на иной основе. Феодальный революционный период здесь начался во второй половине XIII в. и закончился присоединением последних реликтов Древней Руси – Новгорода и Пскова – к Москве (Кондорский 2017б: 157).

Любая революция сопровождается устранением носителей старого сознания. В тот период этот процесс сопровождался регулярными репрессиями против городских общин Северо-Восточной Руси, причем в основном со стороны своих же князей, привлекающих для поддержки ордынцев. Еще в 1252 г. Александр Невский позвал Неврюеву рать. По просьбе его сына Андрея Александровича отряды Орды шесть раз совершали набеги (Оловинцов 2018: 197). Александр Невский выбрал из двух зол меньшее, заключив военный союз с Батыем, в отличие от Данилы Галицкого. Огромные территории Малой и Белой Руси, управляемые князьями и избравшие путь слияния с Западом, потеряли свою независимость в течение 50 лет. Этот выбор привел к насильственному, произведенному стараниями польской шляхты лишению подлинной русской самоидентификации с заменой ее на псевдонациональные маркировки украинцев и белорусов (Ларионов 2015: 162).

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV в. обусловило здесь крайне низкий уровень фео-

дальной революции. Вследствие этого восточнославянские земли долгое время находились на общинной стадии развития, с чем была связана масса архаических пережитков, «доживших», с учетом наследия, полученного этими землями от Киевской Руси, до очень поздних времен (Дворниченко 1995: 297). По-прежнему значительную роль играл институт кормления как наследие Руси, а также несельскохозяйственные доходы (Там же: 302).

Как известно, основу феодальной формации составляет владение землей и зависимыми (тягловыми) людьми, ее обрабатывающими. До середины XVI в. в центральных областях Литовского княжества ценными считались земли, на которых можно было вести лесное хозяйство, ловить зверя и рыбу, разводить пчел. При этом черноземные залежи считались малоценными. Обработка земли здесь практиковалась в малых размерах, для первичных потребностей хозяйства (Яворницький 1990: 14). То есть здесь сохранялись те институты и практики, которые были характерными еще для Киевской Руси.

После того как в 1471 г. Киевское княжество превратилось в воеводство, Литва начала вводить на этой территории феодальный порядок государственного строя. Под влиянием данного порядка принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем в течение многих веков до этого. Южнорусское население, столкнувшись с невиданным прежде порядком вещей и постепенно обезземеливаясь, стало бросать центральные земли государства и уходить на его окраины, тем самым превратившись в казачество, став оплотом на порубежных владениях Литвы (Там же: 13). В результате казачество не прошло «горнило» феодальной революции. Социальное сознание (особенно его этническая основа) осталось полностью архаическим и затем воспроизводилось в сельской местности вплоть до конца XX в.

Выводы

Анализ показывает, что в соответствии с теорией революционного периода рецидивы архаических институтов характерны для стран третьей генерации (постсоветских государств, Китая, Турции, Ирана и т. д.). В этих странах большую роль играет их цивилизационная специфика. Однако если в Китае в настоящее время это носит

в большей степени поверхностный характер, данная тенденция на Украине и в странах Центральной Азии – гораздо более глубинный.

Условием подобного рода явлений стала неполнота феодальной революции в СТГ, что было вызвано высоким уровнем преемственности с предыдущим архаическим периодом. Элементы подобного рода традиционалистского сознания в основном сохранились в сельской местности и воспроизводились в течение столетий.

Основной же причиной рецидивов архаических институтов стало кризисное состояние общества (в первую очередь на Украине), обусловленное игнорированием специфики базиса, доставшегося в наследство от революционного периода.

РП пришелся в основном на годы советской власти. В результате сформировался советский базис политико-экономической системы как фундамент, на котором сейчас строится «новый дом». Но данный базис невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В КНР это поняли еще в 1980–1990-е гг., что обусловило последующее успешное развитие данной страны. В России либеральное руководство 1990-х гг. попыталось построить «новый дом» по западным лекалам, что почти привело к распаду государства и необратимой деградации экономики.

На Украине руководство страны начало демонстративно игнорировать советский базис уже в начале 1990-х гг. В последние пять лет была предпринята попытка полного его разрушения. Как результат – деградация экономики и острый кризис политической системы. Достаточно сказать, что за годы независимости доля Украины в мировом промышленном производстве уменьшилась в десятки раз. Сейчас в стране в рамках политической и экономической системы основные процессы определяют не их объективные законы, а рецидивы архаических социальных институтов.

Литература

Ананченко, А. Б. (ред.). 2016. *Что надо знать о «цветных революциях»*. 2016. М.: МПГУ. 136 с.

Андреев, Ю. В. 2004. *Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)*. СПб.: Алетейя. 336 с.

Ачкасов, В. А. 1999. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии* 1: 45–56.

Берве, Г. 1997. *Тираны Греции*. Ростов: Феникс. 640 с.

Бондаренко, Д. М. 1993. Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. В: Попов, В. А. (ред.), *К вопросу о возникновении классов и государства. Ранние формы социальной организации*. М.: Наука, 1993. С. 145–168.

Борисова, Е. 2002. Роль неформальных институтов в управлении Казахстана. *Вестник Евразии* 1(16): 28–47.

Буров, В. Г. 2011. В Китае возрождается культ Конфуция. *Африка и Азия сегодня* 4: 8–14.

Васильев, Л. С.

1982. Феномен власти-собственности. В: Алаев, Л. Б. (ред.), *Типы общественных отношений на Востоке в Средние века*. М.: Наука. С. 60–99.

1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука. 328 с.

Дворниченко, А. Ю.

1995. К проблеме восточнославянского политогенеза. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра. 350 с.

2018. *Прощание с Революцией*. М.: Весь Мир. 272 с.

Зберовский, А. В. 2008. *Становление демократической политической культуры в Элладе VIII–V веков до н. э.: политическая мысль и политический человек доплатоновского периода*. Красноярск: КГАУ. 309 с.

Кембриджская история древнего мира. 2007. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э. М.: Ладомир. 653 с.

Кондорский, Б. М.

2014. Попытка анализа причин кризиса в Украине на основе концепции этнического сознания и революционного периода. В: Зайцев, А. А. (ред.), *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. 26-е Адлерские чтения*. Краснодар: Традиция. С. 129–133.

2015. Теоретический взгляд на события XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины). В: Юрченко, В. М. (ред.), *IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»*. Научно-практическая конференция. Краснодар: КубГУ. С. 382–390.

2016. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода. В: Зайнуллин, Г. Г. и др. (ред.), *Россия – Китай: история и культура. IX Международная конференция*. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. С. 156–166.

2017а. Попытка анализа характера капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Historia Provinciae – Журнал региональной истории* 3(1): 73–91.

2017б. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси. В: Козлов, В. П. (ред.), *VI Зиминские чтения. Творческое наследие А. А. Зимина и современная российская историография: международная научная конференция*. М.: Древлехранилище. С. 143–157.

2018а. «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода). *История и современность* 4: 88–107.

2018б. Традиционно-исторические предпосылки «цветных революций». В: Уваров, П. Б. (ред.), *Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XIV Международной конференции*. Челябинск: Изд-во ЮУГППУ. С. 273–281.

Кочакова, Н. Б. 1993. *Традиционные институты управления и власти*. М.: Наука. 168 с.

Лаптева, М. Ю. 2009. *У истоков древнегреческой цивилизации. Иония X–VI вв. до н. э.* СПб.: Гуманитарная Академия. 512 с.

Ларионов, В. Е. 2015. *Александр Невский и Данило Галицкий. Рождение третьего Рима*. М.: Вече. 320 с.

Ломанов, А. 2017. Новые концепции китайской внешней политики. *Азия и Африка сегодня* 12: 8–18.

Макаров, И. А. 1997. Идеологические аспекты ранней греческой тирании. *Вестник древней истории* 2: 25–42.

Манойло, А. 2014. «Цветные революции» как угроза российской нации. *Вестник российской нации* 3: 176–190.

Махлаюк, А. В. 2010. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата. В: Суриков, И. Е. (ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М.: УНГД Пожарского. С. 176–226.

Мацевский, Ю.

2008. Политический режим Украины после «оранжевой революции». *Политическая экспертиза: Политэкс* 4: 18–40.

2010. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004–2010 гг. *Полис. Политические исследования* 5: 17–37.

Михайлова, Л. Я. 2002. *Этническое сознание: социальное содержание и закономерности исторической эволюции*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск. 21 с.

Мосс, М. 1996. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Вост. лит-ра. 360 с.

Оловинцов, А. 2018. *Статус Руси в XIII–XVI вв. Тюрки или монголы? Иго или противостояние?* М.: Алгоритм. 432 с.

Прокофьев, А. В. 2011. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI в. На примере Грузии, Киргизии, Украины. Казань: КазГУ. 190 с.

Радзиевский, В. А. 2016. Новые украинские мифы, истории и восточно-славянское единство. В: Герасимов, В. И. (ред.), *Россия: Тенденции и перспективы развития*. Вып. 11. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН. С. 570–575.

Суриков, И. Е. 2007. *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М.: КДУ. 236 с.

Титаренко, М., Ломанов А. 2015. Становление Китая как великой державы. Политическая и культурная стратегия. *Проблемы Дальнего Востока* 3: 17–28.

Труевцев, К. М. 2005. «Цветные революции» и террористическая угроза в Центральной Азии. *Полития* 2: 5–21.

Утченко, С. Л. 1997. *Политические учения древнего мира*. М.: Наука. 257 с.

Хейзинга, Й. 1997. *Homo ludens: статьи по истории культуры*. М.: Прогресс-Традиция. 416 с.

Элиаде, М. 1998. *Миф о вечном возвращении*. СПб.: Алетейя. 258 с.

Яворницький, Д. І. 1990. *Історія запорозьких козаків*: в 3 т. Т. 2. Київ: Наукова думка. 560 с.

Якунин, В. И., Багдасарян, В. Э., Сулакшин, С. С. 2013. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*. М.: Научный эксперт. 472 с.

Eisenstadt, S. N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London: Sage Publications. 95 p.

Hellman, J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transition. *World Politics* 50(2): 203–234.

Weber, M. 1978. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press. 1469 p.